

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2024.1.16

Original article

СОЛОВЬЁВ Сергей Александрович
Адвокатское бюро города Москвы «Сословие»,
Москва, Россия;
e-mail: soloviev@soslovie-ab.ru

SOLOVIEV Sergey Alexandrovich
Moscow City Law Office «Soslovie»,
Moscow, Russia.

ПОНЯТИЕ «СТОРОНА» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

THE NOTION OF «PARTY» IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. Отсутствие полноценного научно-теоретического исследования уголовно-процессуального понятия «сторона» во взаимосвязи с нормативно-дефиниционной разбалансировкой этого понятия в действующем отраслевом законодательстве формирует в правоприменительной практике полярные положения в его толковании и правоприменении, что приводит к серьезной деформации в понимании механизмов организации уголовного процесса в Российской Федерации. Цель: постановка проблемы, обоснование ее отрицательного влияния при публично-правовой форме организации отечественного уголовного судопроизводства на формирующуюся в государстве правоприменительную практику. Методы: эмпирические методы сравнения, описания и опроса; теоретические методы формальной и диалектической логики. Исследование показало наличие серьезных проблем в нормативно-правовом определении понятия «сторона» в отечественном уголовном процессе и в регулировании его правоприменения. Установление обязательных элементов для констатации наличия на конкретной стадии уголовного судопроизводства стороны обвинения и стороны защиты, заключающееся в индивидуализации функций, выполняемых конкретной стороной в состязательном процессе (то есть с непременным участием независимой стороны в лице суда), во многом игнорируется законодателем в иных уголовно-процессуальных нормах, несмотря на использование в них понятия «сторона» для описания регулируемых уголовно-процессуальных правоотношений.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, сторона, суд, функция обвинения, функция защиты от обвинения, участники уголовного судопроизводства

Для цитирования: Соловьёв С.А. Понятие «сторона» в уголовном судопроизводстве России / С.А. Соловьёв. – DOI 10.33184/pravgos-2024.1.16 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 126–132

Abstract. The absence of a full-fledged scientific and theoretical study of the criminal procedure notion of «party» in conjunction with the normative and definitional imbalance of this notion in the current sectoral legislation forms polar positions in its interpretation and enforcement in law enforcement practice, which leads to a serious deformation in understanding the mechanisms of organizing criminal proceedings in the Russian Federation. Purpose: to formulate the problem and justify its negative impact on the emerging state law enforcement practice within public law form of the organization of national criminal proceedings. Methods: empirical methods of comparison, description and surveys; theoretical methods of formal and dialectical logic. Results: the study shows that there are serious problems in the regulatory definition of the notion of «party» in the national criminal procedure and in the regulation of its enforcement. The establishment of mandatory elements for ascertaining the presence of the prosecution and defence at a particular stage of criminal proceedings, which consists in the individualisation of the functions performed by a particular party in adversarial process (i.e. with the indispensable participation of an independent party represented by the court), is largely ignored by the legislator in other criminal procedure norms, despite the use of the notion of «party» in them to describe the regulated criminal procedure legal relations.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, party, court, prosecution function, defence function, participants in criminal proceedings

For citation: Soloviev S.A. The notion of «party» in Russian criminal proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1, pp. 126–132 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.1.16.

ВВЕДЕНИЕ

«Сравнивать свое и чужое... – дело естественное, это, если выражаться философически, один из «инструментов познания»» [1, с. 127]. Вместе с тем сравнение одноименного «своего», да еще в рамках одной отрасли права, на наш взгляд, тоже многое может дать в части «познания», которому в праве во взаимосвязи с его применением всегда предшествует процесс его создания законодателем.

Очевидно, что формат статьи явно недостаточен для разрешения всех существующих вопросов, возникающих при анализе понятия «сторона» в уголовном судопроизводстве. Однако для постановки дискуссионных вопросов, тезисного высвечивания очевидных противоречий, имеющих в нормативном регулировании данного понятия, этот формат вполне может быть использован.

ПРОБЛЕМАТИКА НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТОРОНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В самом начале хотелось бы обратить внимание на то, что понятие стороны в уголовном судопроизводстве уже длительное время остается вне не только сравнительно-правового исследования, но и в целом вне какого-либо объемного научного исследования и анализа. В частности, автору не удалось отыскать ни одного диссертационного или монографического исследования, которое напрямую было бы посвящено именно понятию сторон в уголовном судопроизводстве для целей и назначения уголовного процесса. Как о весьма близкой к теме можно говорить только о статье О.В. Хитровой «О понятии «сторона» в состязательном уголовном судопроизводстве», опубликованной в 2015 г. в журнале «Труды академии управления МВД России», однако, как и в нашем случае, раскрытие темы через объем журнальной статьи невозможно априори, что, в частности, подтверждается позицией О.В. Хитровой: ею предпринята лишь попытка обозначить суть проблемы.

В противовес ситуации в отечественном уголовном процессе в работе М.С. Шакарян «Учение о сторонах в советском гражданском процессе» раскрыто понятие сторон, их права и обязанности в обозначенном виде судопроизводства [2].

Не исключаем, что отказ исследователей от полноценного анализа понятия «сторона» в уголовном судопроизводстве обусловлен в том числе крайне противоречивой его формулировкой в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Так, в п. 45 ст. 5 УПК РФ стороны обозначены как участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения. Разложив, что называется, на составные части данное понятие, можно выделить обязательные признаки, характеризующие сторону в отечественном уголовном процессе:

- 1) сторона выполняет только одну функцию – обвинения или защиты;
- 2) может именоваться стороной только при выполнении этой функции в ходе состязательного противостояния со стороной, выполняющей противоположную функцию.

Возможно, представленная законодателем формула понятия стороны в уголовном судопроизводстве могла бы считаться вполне действенной и опционально завершенной, будь весь наш уголовный процесс частно-обвинительным, когда заявление о совершении преступления конкретным лицом сразу подается в суд для разрешения по существу. Однако в ситуации, когда в отечественной уголовной юстиции «правит бал» публично-правовая форма организации судопроизводства, приведенное в УПК РФ понятие стороны, на наш взгляд, вносит определенную дезорганизацию не только в понятийный аппарат его участников, но и в определение их функционала и механизмов его реализации.

В ходе проведенного нами опроса 158 следователей из 143 субъектов Российской Федерации на вопрос «Согласны ли вы с позицией законодательной власти, отнесшей следователя к стороне обвинения?» 89 человек, или 57,8 %, ответили утвердительно, 59 человек (38,3 %) – отрицательно, 6 человек (3,9 %) затруднились с ответом [3, с. 257].

С.С. Алексеев отмечал, что возможность «достигнуть высокой степени нормативных обобщений и тем самым усилить свойственную праву нормативность, следовательно, усилить функции и роль права как нормативного регулятора» [4, с. 429] появляется только

тогда, когда законодатель искусно регулирует и всесторонне учитывает многообразие жизненных обстоятельств.

В нормативной регулировке понятия «стороны» применительно к уголовному судопроизводству законодателю, на наш взгляд, не удалось учесть все многообразие, обусловленное именно публично-правовой формой его организации.

ТЕЗИСНО О РОЛИ СУДА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПОНЯТИЯ «СТОРОНА» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Первоначально стоит отметить, что возможность говорить о состязательной процедуре¹ в противостоянии двух противоположных «лагерей» появляется только при наличии фигуры независимого арбитра данного «состязания», что применительно к состязательному противостоянию в уголовном судопроизводстве обуславливает обязательное участие суда в этом процессе.

Упоминание суда при формулировке понятия «стороны», на наш взгляд, имеет ключевое значение, так как в противном случае нет возможности разрешить предмет спора между двумя противоположными позициями относительно одних и тех же фактических обстоятельств. Я.О. Мотовиловкер в дискуссионной работе «Основные уголовно-процессуальные функции» писал: «специфика взаимоотношений суда и сторон такова, что только суд как носитель функции решения дела тем самым обязан обеспечить его правильное решение, вынесение законного и обоснованного приговора» [5, с. 9]. М.С. Шакарян в уже упомянутой нами работе указывала, что «стороны в гражданском процессе – это лица, спор которых о субъективном праве или охраняемом законом личном интересе суд должен разрешить» [2, с. 3].

Принцип состязательности, закрепленный в ст. 15 УПК РФ, также сформулирован через призму существования равноудаленного от функции обвинения и функции защиты суда, создающего для реализации вышеназванных функций необходимые условия.

¹ Безусловно, по нашему мнению, и то, что о реальной, а не декларативной состязательности можно говорить только тогда, когда в «противостоянии» участвуют равные по силе и возможностям субъекты, что очевидно отсутствует в отечественном уголовном судопроизводстве, организованном в публично-правовой форме. Вместе с тем это не является темой статьи, в связи с чем оформляется только в виде настоящей ремарки.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что говорить о появлении в уголовном судопроизводстве сторон можно только на той стадии уголовного судопроизводства, на которой в качестве арбитра принимает участие суд.

Обращаем внимание, что нами намеренно не указано о появлении именно стороны защиты и обвинения, так как действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность участия суда не только при рассмотрении по существу уголовно-правовой претензии государства в адрес конкретного физического лица (ч. 1 ст. 29 УПК РФ), но и в ходе досудебного производства (ч. 2, 3 ст. 29 УПК РФ). И вот тут, на наш взгляд, формируются дополнительные существенные противоречия в понятии «стороны», заложенные законодателем в п. 46 и 47 ст. 5 УПК РФ и раскрывающие субъектное наложение сторон.

НОРМАТИВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПОНЯТИИ «СТОРОНА» В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Пункт 46 ст. 5 УПК РФ к стороне защиты относит обвиняемого, а также его законного представителя, защитника, гражданского ответчика, его законного представителя и представителя. Пункт 47 этой же уголовно-процессуальной нормы формирует субъектный состав стороны обвинения следующим образом: прокурор, а также следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и его представитель.

Одним штрихом отметим, что изменение с 4 июля 2020 г. Федеральным конституционным законом № 1-ФКЗ от 14 марта 2020 г. редакции ст. 129 Конституции РФ и указание на то, что Прокуратура РФ как единая федеральная централизованная система осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняет

иные функции, определенные федеральным законом, уже вызывает большие вопросы относительно обоснованности отнесения прокурора исключительно к стороне обвинения, без привязки к конкретной стадии уголовного судопроизводства, так как функция «уголовного преследования в соответствии со своими полномочиями» является частью целой совокупности полномочий прокурора, где надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, на наш взгляд, является приоритетным направлением деятельности указанного органа государственной власти, если смотреть через призму двуединого назначения уголовного судопроизводства в Российской Федерации (ст. 6 УПК РФ). В этой связи полагаем, что положения ч. 1 ст. 37 УПК РФ в настоящий момент не отвечают положениям ст. 129 Конституции РФ в части указания на профессиональные компетенции прокурора в уголовной юстиции.

Сохранение прокурора в числе субъектов стороны обвинения при вышеуказанной конституционной регламентации функционала Прокуратуры РФ формирует искусственное и необоснованное сужение ее роли в уголовном судопроизводстве, создает очевидные предпосылки к явному профессиональному деформированию, выраженному в ограничении прокурором своего участия в уголовном деле исключительно обвинительной функцией, заключающейся в безоговорочном поддержании предъявленного на стадии предварительного расследования обвинения.

Применительно к определенному нами обязательному признаку сторон в уголовном судопроизводстве – выполнению исключительно какой-либо одной функции в состязательной судебной процедуре – существенные сомнения в обоснованности вызывает позиция законодателя, отнесшего к стороне обвинения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, орган дознания.

В первую очередь следует отметить, что основная деятельность указанных субъектов так называемой стороны обвинения осуществляется вне какой-либо состязательной процедуры, при нормативно закреплённом по-

ложении о самостоятельности направления хода расследования уголовного дела и принятия решений о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа или прокурора.

Весьма любопытными в этой связи являются результаты опроса 1054 профессиональных участников уголовного судопроизводства (судей, следователей, прокуроров и адвокатов), проведенного нами в 2016–2018 гг. На вопрос «Должен ли УПК РФ содержать требование, обязывающее следователя устанавливать обстоятельства, оправдывающие подозреваемого (обвиняемого) или смягчающие его ответственность?» утвердительно ответили 458 участников, что составило порядка 43 %, отрицательно – 81 человек (около 3 %). Вариант «Такое требование есть в УПК РФ» выбрало 516 респондентов (порядка 52 %), затруднились с ответом 26 человек (около 2 %) [3, с. 285].

Опуская тот факт, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, в отличие от УПК РСФСР 1960 г., не содержит прямого положения о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, заключающемся в выявлении как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих или отягчающих его ответственность обстоятельств (ст. 20 УПК РСФСР), отметим, что почти все профессиональные участники уголовного судопроизводства считают, что орган расследования в его широком субъектном понимании не есть исключительно сторона обвинения, так как имеет в своем процессуальном функционале не право, а обязанность установить (что примечательно, вне состязательной процедуры²) все позитивные для привлеченного к уголовной ответственности лица обстоятельства, которые в ряде случаев могут явиться причиной полного освобождения такого лица от сформулированной в отношении него уголовно-правовой претензии со стороны государства.

2 Еще в 1895 г. профессор В.П. Даневский писал, что «принципиальный недостаток предварительного следствия коренится в инквизиционном начале, проникающем эту стадию процесса, противоречащем принципу состязательному, который проходит весьма заметно через окончательную стадию уголовного судопроизводства» [6, с. 6].

Обратим теперь внимание на право участника уголовного судопроизводства обжаловать решения органа дознания, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие), которые способны причинить ущерб их конституционным правам и свободам либо затруднить гражданам доступ к правосудию (ч. 1 ст. 125 УПК РФ).

Возникают вопросы: о каких сторонах в этой обособленной уголовно-процессуальной процедуре можно и, что более точно, допустимо вести речь? в ситуации инициации процесса обжалования защитником обвиняемого или самим обвиняемым продолжают ли они являться в ходе судебного разбирательства по их жалобе стороной защиты? можно ли их отнести к таковой, когда фактически данные участники уголовного судопроизводства выступают в качестве «обвинителей» органа расследования в лице его конкретных должностных лиц, а последние осуществляют свою «защиту» от выдвинутых против них «обвинений» в бездействии или совершении незаконных и (или) необоснованных действий в рамках уголовного судопроизводства?

Нам могут возразить, что в целом действия защитника или самого обвиняемого (подозреваемого) по обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ являются выполнением в широком смысле функции защиты от обвинения, а действия органа расследования в рамках этой процедуры – действиями стороны обвинения, направленными на обоснование и подтверждение обвинения, которое было предъявлено лицу по конкретному уголовному делу. Но как в этом случае быть, например, с жалобой потерпевшего, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление того же следователя о прекращении уголовного дела? И потерпевший, и следователь в соответствии с п. 47 ст. 5 УПК РФ относятся к субъектному составу стороны обвинения. Допустимо ли в этом случае говорить о сторонах, когда участниками, пусть и обособленной судебной процедуры, будут представители одной и той же стороны с точки зрения указанной уголовно-процессуальной нормы? Какую сторону в строгом соответствии с требованиями п. 47 ст. 5 УПК РФ в указанных случаях представляет прокурор, если представить себе, что и в ситу-

ации подачи жалобы защитником обвиняемого или самими обвиняемым, и в ситуации наличия жалобы потерпевшего или гражданина, обжалующего действия, затрудняющие его доступ к правосудию, он занимает их сторону?

Нельзя в этой связи обойти вниманием и тот факт, что конфигурация прав и обязанностей участников этой судебной процедуры больше напоминает конструкцию гражданско-процессуального законодательства, когда каждая из сторон должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений (ст. 56 ГПК РФ), что очевидно вступает в противоречие с правами таких субъектов стороны защиты, как подозреваемый и обвиняемый, в отношении которых в уголовном судопроизводстве действует принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ).

Любопытными с точки зрения определения понятия «стороны» являются и положения ч. 3 ст. 165 УПК РФ, устанавливающие, что в судебном заседании по рассмотрению ходатайства о производстве следственного действия вправе участвовать прокурор, следователь и дознаватель, то есть, исходя опять-таки из буквального толкования п. 47 ст. 5 УПК РФ, представители только одной стороны – обвинения. Очевидно, что в этой ситуации, несмотря на наличие суда как стороны, разрешающей дело, говорить об отпавлении судопроизводства на основании принципа состязательности не имеется оснований по причине отсутствия в процессе представителя «противоположного» лагеря. Вместе с тем, если присутствующий в зале прокурор по каким-то фантастическим мотивам будет выступать против заявленного перед судом ходатайства следователя, представителем какой стороны в соответствии с положением п. 45 ст. 5 УПК РФ он будет являться? Как именовать участников судебного процесса, в ходе которого по ходатайству следователя, поданного в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, судом в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 217 УПК РФ рассматривается вопрос о необходимости установления обвиняемому и его защитнику определенного срока для ознакомления с материалами уголовного дела? Есть ли здесь сторона обвинения и сторона защиты в понятии, установленном п. 45 ст. 5 УПК РФ?

Говоря о понятии стороны в уголовном судопроизводстве, невозможно пройти мимо и такой судебной процедуры, как рассмотрение постановления следователя о возбуждении ходатайства перед судом об избрании той или иной меры пресечения, отнесенной к компетенции суда (ст. 108. 109 УПК РФ), или о полномочиях прокурора, предусмотренных п. 81 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Допустимо ли говорить, что в данной обособленной судебной процедуре принимают участие стороны обвинения и защиты, тогда как в ходе нее никаких вопросов, связанных непосредственно с обвинением лица в совершении какого-либо преступления, не рассматривается, а рассматривается, на наш взгляд, исключительно процессуальный вопрос о наличии или отсутствии процессуальных оснований для применения в отношении конкретного лица соответствующей меры пресечения или продления срока ее действия? По нашему мнению, участники уголовного судопроизводства сторонами обвинения и сторонами защиты здесь не являются, а должны именоваться строго в рамках того процессуального статуса, которым они обладают на момент рассмотрения судом соответствующего процессуального вопроса – подозреваемым или обвиняемым, защитником подозреваемого или обвиняемого в лице конкретного адвоката, следователем, прокурором.

Полностью соглашаемся с позицией О.В. Хитровой, указавшей, что «сам законодатель понимает небыстречность» определения понятия «стороны» в п. 45 ст. 5 УПК РФ, что дополнительно подтверждается названиями гл. 6 и 7 УПК РФ, где речь идет уже об «участниках уголовного судопроизводства со стороны обвинения» и «со стороны защиты» [7, с. 24–25]. Справедливо ее же утверждение о дополнительном «запутывании» вопроса о понятии «стороны» законодателем в иных уголовно-процессуальных нормах, в частности в данном в п. 61 ст. 5 УК РФ определении досудебного соглашения о сотрудничестве «или, например, в ст. 25 УПК РФ «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон», из содержания которой следует, что субъектами права примирения выступают подозреваемый, обвиняемый и потерпевший» [7, с. 25].

Выводы

Таким образом, очевидно, что понятие «сторона» применительно к разным процессуальным обстоятельствам в действующем уголовно-процессуальном законодательстве имеет совершенно разное как количественное, так и качественное наполнение, допускает использование понятия вопреки нормативно закреплению в п. 45 ст. 5 УПК РФ определению, может не отвечать целям и задачам конкретного участника уголовного судопроизводства, отнесенного законодателем к субъектному составу конкретной стороны в уголовном процессе. Все это очевидно не является фактором, способствующим точному и единообразному правоприменению, а, напротив, формирует постоянный фактор, дестабилизирующий уголовно-процессуальные правоотношения.

Вместе с тем полагаем, что предложение О.В. Хитровой признать субъектом стороны обвинения только прокурора, по делам частного обвинения – частного обвинителя, а противоборствующей стороной (защиты) – обвиняемого, разделив всех остальных участников уголовного судопроизводства на действующих со стороны обвинения и со стороны защиты [7, с. 26], является дискуссионным хотя бы по указанной выше конституционной трансформации роли прокурора в Российской Федерации, что дает основание отнести к стороне обвинения только должностное лицо прокуратуры, выполняющее функции государственного обвинителя в ходе рассмотрения судом уголовного дела по существу предъявленного подсудимому обвинения.

Применительно к стороне защиты исключение защитника подсудимого из субъектного состава этой стороны, на наш взгляд, также выглядит спорным, так как никакой иной функции, кроме защиты подсудимого, адвокат, участвующий в деле в качестве защитника, просто не выполняет. Вместе с тем полагаем, что именоваться стороной защиты подсудимый и его защитник могут исключительно на стадии судебного разбирательства уголовного дела, так как только на этой стадии, очевидно сконструированной по состязательному

принципу, можно говорить о противоборстве сторон, выполняющих функции обвинения и защиты от него.

Надо отметить, что О.В. Хитрова отдельно указывает на то, что сформулированный в ее работе тезис о субъектном наполнении сто-

рон в уголовном судопроизводстве «требует дальнейшего осмысления и аргументации» [7, с. 26]. Дополним эту позицию выводом, что вопрос о понятии «сторона» в уголовном процессе также требует более пристального, глубокого и внимательного изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давыдов Г.А. Театр теней / Г.А. Давыдов // Новый мир. – 2023. – № 10 (1182). – С. 122–174.
2. Шакарян М.С. Учение о сторонах в советском гражданском процессе : учебное пособие / М.С. Шакарян. – Москва : Типография ТАСС, 1983. – 66 с.
3. Соловьев С.А. Благоприятствование защите (favor defensionis) : монография / С.А. Соловьев ; под ред. Л.Н. Масленниковой. – Москва : Норма, 2021. – 296 с.
4. Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. Специальные вопросы правоведения. – Москва : Статут, 2010. – 471 с.
5. Мотовиловкер Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции : монография / Я.О. Мотовиловкер – Ярославль : Ярославский государственный университет, 1976. – 91 с.
6. Даневский В.П. Наше предварительное следствие и его недостатки и реформа. – Москва, 1895. – 89 с.
7. Хитрова О.В. О понятии «сторона» в состязательном уголовном судопроизводстве / О.В. Хитрова // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1 (33). – С. 23–26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьёв Сергей Александрович – кандидат юридических наук, адвокат, управляющий партнер.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Soloviev Sergey Alexandrovich – Candidate of Sciences (Law), Attorney-at-Law, Managing Partner.

Статья поступила в редакцию 23.12.2023; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 29.01.2024.
The article was submitted 23.12.2023; approved after reviewing 29.01.2024; accepted for publication 29.01.2024.

REFERENCES

1. Davydov G.A. Shadow play. *Novyj mir = New World*, 2023, no. 10 (1182), pp. 122–174. (In Russian).
2. Shakaryan M.S. The doctrine of the parties in Soviet civil proceedings. Moscow, TASS Printing House Publ., 1983. 66 p.
3. Soloviev S.A.; Maslennikova L.N. (ed.). Favor defense (favor defensionis). Moscow, Norma Publ., 2021. 296 p.
4. Alekseev S.S. Collected works. Moscow, Statut Publ., 2010. Vol. 2. 471 p.
5. Motovilovker Ya.O. Basic criminal procedure functions. Yaroslavl State University Publ., 1976. 91 p.
6. Danevsky V.P. Our preliminary investigation and its shortcomings and reform. Moscow, 1895. 89 p.
7. Hitrova O.V. About concept «party» in competitive criminal legal proceedings. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2015, no. 1 (33), pp. 23–26. (In Russian).